

ПАЛАНДИМ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ № 1 (14-15) ДЕКАБРЬ 1992

К ЧИТАТЕЛЮ

Пробный выпуск альманаха «Пигмалион» («Молодежная газета», № 51, пятница, 15 мая 1992 г.) получил немало хороших отзывов в Тамбове и иных городах. Нас это не удивило, поскольку в альманахе были помещены действительно свежие и содержательные поэтические тексты, и форма их была нестандартной, новой, захватывающей. Нас не удивила и завидная активность тех литературных лиц, которым мы себя противопоставили. Почувствовав неладное, а этим неладным они в душе называли в течение долгих лет подавляемую ими тамбовскую поэзию, наши оппоненты выступили с пародиями, публицистическими статьями и т. п. К сожалению, им не удалось опубликовать что-либо значительное. Если когда-нибудь это удастся, мы готовы снять свои определения и перейти на более дружелюбный тон общения, забыв обиды и протянув своим коллегам руку дружбы.

Нас, однако, по-прежнему не устраивает антипоэзия, т. е. такое «поэтическое» творчество, которое исполнено ложным пафосом и политическими архаизмами, в котором нет героя-человека, а есть герой-схема, которым не пробудить добрых чувств, а заразить цинизмом и междоветным треском. К сожалению, антипоэзия наступает сейчас мощным фронтом, ее сестра порнография стала чуть ли не нормой современного сочинительства. Пройдет время, и все вернется на круги своя. Поэзия предостит долгая жизнь, антипоэзия отпадет, как на коленке болячка.

«ГДЕ ВЕЧНОСТЬ ЗАСЛониЛА ВРЕМЯ...»

Борис

Двинянинов

НИКОЛАЮ
ИВАНОВИЧУ
ЛАДЫГИНУ

Король и Гений Палиндрома
Не только есмь палиндромист;
Он в Эльдорадо или дома
То пейзажист, то портретист!

Он Мусaget, кистей оратор,
Мир паразит еще не раз,
И Полигимния с Эрато*
С него не сводит глаз!

Ноябрь 1967.

Вместо
эпитафии

Всю жизнь питался я
обедками,
В обмотках сталинских
ходил,
Дышал одними пятилетками,
Но страстно родину любил.

Я знаю, скоро умирать,
А по сему простите,
Мне больше нечего

скрывать:
Граф мой отец,
Княгиня мать,
А я — простой учитель.

5 сент. 1976
(лето 1975)

Николай
Ладыгин

В будущем году Николаю Ивановичу Ладыгину (1903—1975) исполнилось бы 90 лет. Его палиндромические стихи с каждым годом завоевывают все больше читателей. «Державиним палиндромом» назвал его современный авангардный поэт Бонифаций Луконников. Жизнь стиха Н. И. Ладыгина продолжается.

ЭТОТ НЕБОЛЬШОЙ УЧАСТОК ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МЫ ПРЕДОСТАВЛЯЕМ ТАМБОВСКИМ ПОЭТАМ, УЖЕ УШЕДШИМ В НЕБЫТИЕ, — АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЖЕМЧУЖНИКОВУ (1821—1908) И БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ ДВИНЯНИНОВУ (1911—1987). КАК НИ СТРАННО, ЭТО НАШИ СОВРЕМЕНИКИ, И ИХ ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРОКИ ЗВУЧАТ АКТУАЛЬНО СЕГОДНЯ.

ПОЛЕ

Ах это поле! Не лопот эха,
А сок и сок. Коси, коса,
И налети, роса. Да, сорите лани,

Убегая. А Гебу...
И Геба, беги.

Да, над
Лугом могу ль
Те пени не петь?
Они убыли силы буйно, —
Там холмы, дым лохмат,
И лик шурги игрушки ли?

Или так и ладно? Вон, дали катили
И воля. Лови ее,
Как
Удел с опыта. Ты по следу
Иди.
Не Див, а завиден
Лес-то отсель,
Лес. У ракиты быт и карусель.

Или леса заселили
Девы — те в цене цветы.
Ведь
То весна в авансе. Вот.
Они, как атака, кино,
Как
Море, залп лазером...

Ах это поле! Не лопот эха
А сок и сок. Коси, коса,
Яро года... Надо, горя,
Те Дивы видеть,
Те пени не петь.

КОНЕЦ
ЗИМЫ

Не дыми, зимы день,
Мороза разором!
Ох и лижут стужи лихо, —
И на сцене: бубенец, сани,
Кони, сон осинок.

И шумело полем. Уши,
Те опешили. Лише поет
Летя мятель,
Видели лед ив?

А луна канула,
Села за лес
И отсыла. Валяй! Стой!
Но сани... дороги... миг,
О, родина — сон.

Молод я долгом
Иду, буревая. А веру буди.
Но сняло полян сон.

Дед —
Мороз боснком, и мок, и с
обзором

Катил, и так

То вилял, теплел, петлял
и вот —
И его пал апогей,
И март улетел утрами.

Тучи ли били чуть,
И розово зори,
И лилии лили:
Май, миф и фирмиам.

ОБЕ НЕБО

— Носа фасон
Ровен. Я не вор,
Не та рука. Аккуратен,
Не замучен, не чумазен,

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

ЖЕМЧУЖНИКОВ

ИЗ СТИХОВ, НЕ ВОШЕДШИХ В
СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ

Памяти В. С. Соловьева

Покорно нес он жизни
бремя,
Но не от мира был сего:
Тот высший мир манил его,
Где вечность заслонила
время.

Мыслитель, вдумчивый
певец,
Благой искатель правды
Божьей —
Он на земле был не жилец,
А в даль стремившийся
прохожий.

Старость

Сколько мне жить?..
Впереди — неизвестность.
Жизненный пламень еще

не потух;
Бодрую силу теряет
телесность,
Но, пробудясь, окрыляется
дух.

Грустны и сладки
предсмертные годы!
Это привычное мне бытие,
Эти картины родимой
природы —
Все это, словно, уже не мое.

Не лиса, Силен.
А напушу пана
Я, беса на себя —
И лейтенант. На нет и ели —
Дубки. Дик будь,
Моду гни, борся

Робин Гудом.
Изредка, так дерзи.

Анна,
Алла —
Обе небо.
У нивок идут они и ноту
диковину

Тянут. Унять
Себя, бес,
Как
Могу? Лугом
Иди,
Я следом оделся,
Учел и лечу,
Лезу в узел,
Ва-банк! Набавь
Жару, кураж!

Вот огонь, но готов
И от той,
И от этой
Отказ. А казак-то
Отчаян я. А что
Шипишь?
Миша — нашим,
Миша — вашим,
Мат и тут, и там.

Святым восторгом окрылен,
Он шел без усталости и скоро...
И весть пришла, что
скрылся он
За грань земного кругозора.

23 авг. Ильиновка.
Опубликовано: «Вестник Европы», 1900, № 9, с. 695.
В. С. Соловьев — выдающийся русский философ, публицист, критик, поэт.

Плоти не чувствую
прежней обузы;
Жду перехода в обитель
теней;
С милой землей
расторгаются узы;
Дух возлетает все выше
над ней.

Чужд беспокойному
страсти недугу,
Ведая тихую радость одну, —
Словно хожу по цветистому
лугу,
Но ни цветов, ни травы уж
не мну...

Петербург. 1896.
Опубликовано в книге А. М. Жемчужникова «Песни старости» (СПб., 1900), с. 64.

«ОТ ИСПОВЕДАНИЯ ДО ПРИЧАСТЬЯ...»

СОВРЕМЕННЫЕ ТАМБОВСКИЕ ПОЭТЫ

ВЛАДИМИР РУДЕЛЕВ

Благоговение

Хоть бы капля живого света.
Говорят, что Звезда взорвалась.
Если только верна примета,
будет дьявол властвовать всласть,
созерцая бесстыдный коллапс
отылавших очей и душ.
Или та звезда раскололась,
что алкала из алых луж?
Завтра новый повесят флюгер —
будет косно шуршать года.
Люцифер, как клетчатый любер,
приготовился бить в морда.

1987.

Все, что было, показалось мелким
и банальным — точно смертный грех.
Эти душу режущие метки,
эти комплексы — почти у всех.
Каплет свет слезами через щели.
Капли слезы — светлые уже.
Грустно смотрит голубой священник
на рублевских женщины и мужей.
Сколько лет платил ордынцам дань я
в нудном лязге позлащенных пут,
к чистому ручью исповеданья
не проведая свой короткий путь.
Засыпая ночью на ухабе
после ух демьяновых и вилл,
сколько снов я дивных испохабил,
сколько добрых слов — не сохранил...
Голова под пеленою счастья.
Руки — крылья. Сердце не болит.
От исповеданья до причастья —
время самых искренних молитв.

1983

Овечья купель

«Есть же в Иерусалиме
у Овечьих ворот купальня...»
Иоанн, 5, 2.

Ни брата, ни брата, ни злата...
Влачусь я в притворе разлатом,
расслабленный в мыслях и теле,
желая отмыться в Купели.
Когда зажигается факел,
спускается розовый Ангел.
Он ножкой водицы коснется —
и давка в притворах начнется!
Бегут по ногам, по постели
пробиться к целебной Купели.
Поспели! Здоровые черти!
Теперь не расслабнут до смерти,
воруя, торгуя, воюя.
Поправить подстилку свою я
не в силах — не то, чтобы драться!
Мне б братца, чтоб за руку взяться,
подняться, дойти до водицы.
Мне б златца, чтоб с ним расплатиться.
И блатца б — святого знакомства!
Но в каждом притворе закон свой:
и в первом, и в третьем, и в пятом —
бежать, наступая на пятки,
на голову — если не встанешь.
Лет двадцать я зрю этот танец,
такое бездарное шоу
убогих и нищих душою,
достигших предела в притворстве.
Не стоят и мелочи горсти!
И мыслью и телом расслаблен,
ослами на веки ославлен,
душой я не сломлен, не куплен.
Вот встану. Найду свои туфли.
С одром — из Купели Овечьей!
Мне слышится глас Человечий.

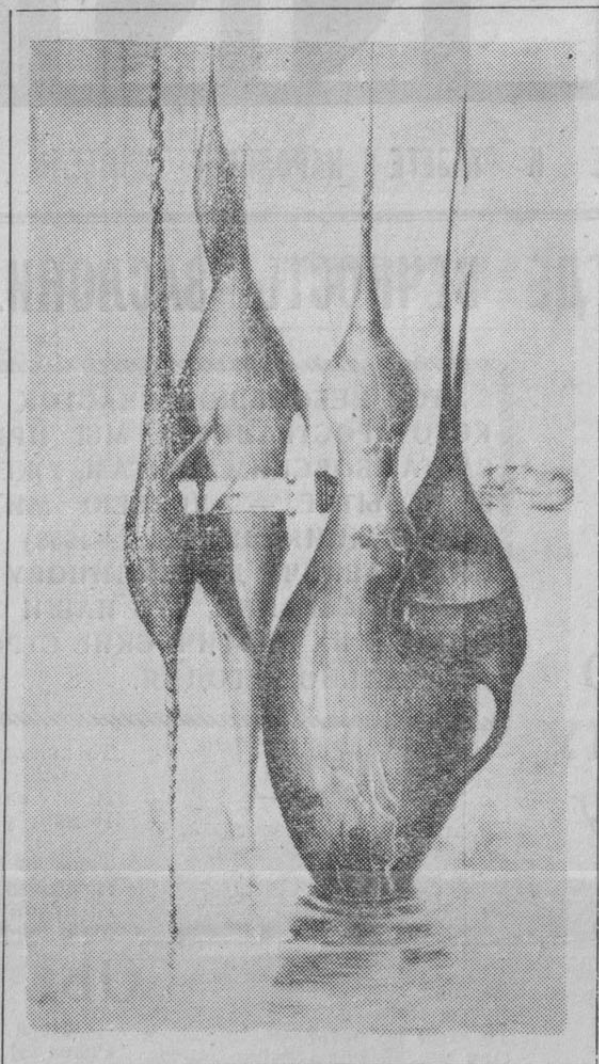
1987

МАРИНА КУДИМОВА

Бух в купель, а то в ушат,
Евразийская душа,
Коей почвы посулит
Отсидевший прозелит.

Север-Запад-Юг-Восток
Не душа, а флюгерок.
Ну и ладно, жри махан,
Византия — Шемахань!

Засидевший студент,
Падший ангел-диссидент,
Просидевший, как штаны,
Прошлое своей страны.

Сергей Бирюков

Кривая ступеней
Осенний пес
Ты любишь растений
Сок
слез
Тебе не хочется забыть свой язык,
ты любишь то, к чему привык
вот ребро
из которого
ОНА
смотрящая
в
н
и
з —
и
з
окна

ЕВГЕНИЙ ХАРЛАНОВ

Уроки истории

Легионеры
по скалистым склонам
ползли, змеясь колоннами с утра,
но был их дух,
прямым и непреклонным,
как стержень от багряного
пера.
Еще вчера их поразили даки,
напав из дикой
горной темноты,
а нынче в развезающемся
мраке
тени возникли и гремят в щиты.

И вот пошли,
порядок соблюдая
и ритм, и строй, и воинскую честь.
И вьются лишь орлы
над их следами,
чтоб право их латинское прочесть.
Я с этим правом вовсе не в союзе,
но знаю,
ощущая битвы плоть:
не оставляй ни у кого иллюзий,
что дух твой вправду
можно побороть.

Женщина издали

В этот дождик такое расскажется,
что потом не приснится нигде.
Снова лунными женщины кажутся,
как шары в новогоднем дожде.
Вон идет, вон бежит...
Ну, уморочка!
Нарядилась. Видать, выходной.
Вся, как есть, в кружевах и оборочках,
словно фея капусты цветной!
Вон другая, знакомая издавна.
Разве с нею мы были близки?
Так прическа высокая издали,
как волшебная люстра блестит.
Вон там ножки какие!
Вы видели?
Не в кино, не в причудливом сне.
Эк, бежит, как по струнам невидимым
прямо в гулкое сердце ко мне!
Вон с зонтом и зеркалками-клипсами,
как мадонна у окон. Не в тон
в них прохожий с ушами отвислыми
и фрагмент милицейских погон.
А за теми — от влаги не сдрейфила —
вся струясь и зонта не прося,
золотистая —
тянется шлейфами
вся окрестность и музыка вся!
Коль пейзажи становятся платьями,
надо больше, чем боги, узнать,
чтобы плоть эту, платину влажную
суетою и прахом назвать!

Стога

Колдовские темнеют
стога,
на осинových держатся кольях.
И восходят над ними
Стожары
дальним жаром
горящего поля...
Лошадь вылезла
из камыша,
задышала и двинулась слепо.
Комья почвы
за нею — но следу,
словно скачет
лошадь душа.
И опять
тишина и стога.
Звезды
лица неместные близят.
Что-то страшное, кажется,
видят,
намекают, боятся сказать.
На каком ты стоишь рубеже?
Холодеют тревогой ключицы.
Ждешь:
какое-то чудо случится,
и не знаешь:
случилось уже.
Вот оно поднялось
во весь рост,
дрему полночи
превозмогая.
Это чудо — равнина ночная
и стогов ее бег
среди звезд.
Не собой, а простором болей
Пронеслись через вспышки событий
по ее неизбежной орбите
меж горящих Стожар
и полей!
Сохрани на любом рубеже
с неизменно зозущей силой
эту лошадь в ночном камыше,
этот стог,
где услышал ты: «Милый!»
Ни на миг не поддайся на ложь,
что все это
навек исчезнет,
и сквозь все
мировые болезни,
через пламя
живым перейдешь.

«Мир стал суровее, но и прекраснее...»

Поэтическая проза

Бросить клич, собрать людей, поставить перед ними задачу — это мы мастера. Но, конечно, никто не побеспокоился об обмундировании, питании, проводниках. Не бог весть какая гора. Однако решите следующую задачу: 3 км. так относятся к X, как профессионализм к любительству. Не удивлюсь, если X будет равным

На первом привале учитель заметил:

— Все это напоминает мне школу. Первые классы перегружены, а в институт поступают единицы.

Разумеется, поэт сразил видимую ему часть природы с женщиной.

— Смотрите, как прекрасны и

вили нас, и мы с новой энергией продолжили подъем.

На тысяча девятьсот восьмидесятипятиметровой высоте мы сделали вторую остановку.

— Чем мир выше, тем он пустыней, — продолжил поэт свою любимую песню, — но красота не исчезает, а становится все более совершенной. Это как уда-

их примирил учитель, точнее, его унылый вид.

—Что с вами?! — вскричали мы в один голос.

—Братцы, — отвечал им педагог, — не скрою, мне хорошо между вами. Слушая ваши умные споры, я пополняю кувшин своих знаний. Но на что они все, если мне некому их передать. Подобно философу, запомнил его фамилию, я тоже могу воскликнуть: «Я преподаю, значит, я существую. Посему я покидаю вас, спускаюсь вниз, в народ».

Однако печалились друзья недолго, ведь впереди их ожидала истина, с высотой все более сбрасывающая свои наряды.

Но вот она скинула комбинацию, и... под ней оказались ледники.

—Я нашел, — закричал ученый, — истина — лед!

—Истина — лед! — ответили ему горы.

Так поэт остался один.

Наконец, теряя последние силы, он взобрался на пик, достиг, так сказать, пика. Перед ним открылись новые дали. Никого и ничего не было выше его. Если не принимать во внимание парящей над ним какой-то носатой птицы, зовущейся орлом, облаков и Солнца.

Он почувствовал себя олимпийцем. Нет, не спортсменом, а Зевсом или Вулканом.

Перед ним расстилался мир пустой и огромный, как в первый день творенья. И ему предстояло наполнить его содержанием.

«Бог создал мир из ничего, учись, художник, у него», — начал он новую песню и осекся. Прежние слова, ритмы, рифмы не годились для нового дела. А других он пока не знал.

Единственно, что он понял, и это открытие и было истиной, что его поэзия жалка, напыщенна, глупа...

ВАДИМ СТЕПАНОВ ВОСХОЖДЕНИЕ К ИСТИНЕ

высоте Эвереста.

С песнями, шутками-прибаутками, срывая цветы и гоняясь за бабочками, прошли мы первые пятьсот метров. Чувства еще были открыты, и мир поражал богатством флоры и фауны.

Но вот исчезли тропинки, а вместе с ними более половины нашей группы.

Точнее: нас осталось трое. Один из нас работал учителем, другой — ученым, третий — поэтом. У нас было много общего: ранние морщины, грустные глаза и впалые животы. Попали мы в это мероприятие, можно сказать, случайно. Выбери, приказал мне шеф, овощная база, уборка улицы или штурм горы. Я, как и мои новые товарищи, выбрал последнее.

Естественно, командиром нашего небольшого отряда мы избрали учителя.

Так вот, мир стал суровее, но и прекраснее.

величавы произрастающие здесь деревья. Стволы их высоки и стройны, кора гладка и свежа, листья источают нежный и тонкий аромат. А ведь почва здесь камениста и климат тоже не сахар. Там внизу, я и имею в виду и возраст, где много влаги и солнца, это своего рода и наряды, красота — естественное свойство молодых. Однако сколько труда надо вложить в себя, чтобы сохранить красоту здесь. Это уже искусство. Вот почему здешняя природа волнует мои чувства так глубоко и возвышенно!

— И научный поиск, — это уже говорит ученый, — схож с восхождением. Подножие составляет огромное количество неизвестных. Постепенно, методом проб и ошибок, отсеиваешь их, а истина венчает поиск, как знамя — вершину.

Эти красивые слова — главное вовремя сказанные — воодуше-

вляющийся от нас пейзаж. Мелкие детали исчезают из поля зрения, большие предметы уменьшаются, и теперь не мешают друг другу, а дополняют один другого. Между ними возникает гармония. И пейзаж уже не просто совокупность деревьев, кустов, козлов, воробьев, козляков, а приобретает аллегорический и аналогический смыслы, а каждая его частица — символ. Я расту вместе с горой.

—Мне кажется, — с некоторой подковыркой заметил ему на это ученый, рассматривая не то колчедан, не то антрацит, — что она кажется вам прекрасней тут потому, что возникающие пустоты вы заполнили продуктами своего воображения. Пустыня — самое прекрасное место для строительства воздушных замков. А кому не нравятся свои дети? Даже лягушкам и пиявкам.

Они едва не поссорились, но

«Мы с тобою встретились раннею весной...»

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Юрий Стаханов

ПИСЬМО МОЕГО ДЕДА ИЗ 37-го

(НАПИСАННОЕ НЕ ИМ)

Я ушел навсегда
В этот сумрачный край,
Где бушует пурга,
Где метель сыплет в май.
Снежный холод сердец.
Ледяная купель.
Недалекий конец
Мне пророчит теперь.
Возвращения не жди,
Не зови, не рыдай,
Если можешь прости,
Если помнишь — прощай.
Нет дороги назад,
А дорогу вперед
Охраняет солдат
И ручной пулемет.
Дальний крик журавлей
Мне приснился вчера
Среди снежных полей
И полярного льда.
Может, если умру,
Душу Бог отнесет
К твоему очагу

В мой последний
Полет.

Мы с тобою встретились
Раннею весной.
Наполнялись лужицы
Талою водой.
А на солнце весело
Грелись воробьи,
Неужели ты забыла
Эти дни?
Там за синей дымкою
Промелькнувших лет
Вижу я твой тоненький
Хрупкий силуэт.
Позови, позови
В прошлое меня,
Где мы были молодыми
Ты и я.
Так годы проходят
Сплошной чередой.
Не изменить нам никогда
Это с тобою.
А годы проходят,
За ними другие.
Были когда-то, ведь были когда-то
И мы молодыми.

ЕКАТЕРИНА ЛЕБЕДЕВА

Раскрыто небо — нотная тетрадь,
где Млечный Путь — изящное легато.
И ноты есть, да некому сыграть
волшебную — Безлунную — сонату.
1988

Я растрепанные нервы
соберу в тугую косу
и прищиплю на затылке
так, чтобы голова трещала.
Нынче буду королевой.
Буду гордой — кровь из носу!
...Только знаю: каждой жилкой
вновь прощу, как и прощала.

1988—1992

РОМАНС

Расцветала душа и пела
колдовским соловьиным садом.
Вырывалась из брэнного тела,
в поднебесье кружась до упаду.
Но однажды — красив и ловок —
молодой появился конник.
Лишь раздался в саду звон подковок —
и душа ни о чем уж не помнит...
Белый цвет весь побилло градом.
Птиц оставшихся крик печален.
И в саду, благодатном когда-то,
обезумевший ветер — хозяин.
Лепестков серебристой стайки
отчего-то вдруг жалко стало...
Увернулась душа от нагайки,
все одно — под копыта попала.

1992

Михаил Ананьев

Луна запуталась в сетях,
Сплетенных осенью из веток.
Сквозь тысячи неровных клеток
Струится свет. И на волнах
Миниатюрного пруда,
Средь умирующих растений,
Танцуют сонмы отражений
Волшебный танец. Иногда
Вдруг утихает все на миг.
И, как соринка в дивном оке,
Листок промокший одинокий
Скользит по глади. Бледный лик
Освободившейся луны
Зрачком становится в глазнице.
Сухие травы, как ресницы,
Вот-вот сомкнутся. Тишины
Не долго длится торжество.
Довольно лишь и дуновенья,
Все вновь приводится в движение
Неважно живо иль мертво.
Дробится призрачный зрачок,
В невероятных пируэтах.
Опять летят осколки света,
Так осени проходит срок.

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ

Вождь охотился порой —
бил картечью в злую роту.
Вот и я, Ильич Второй,
тоже ездю на охоту.
Мне скота к столбу привяжут —
я поднять себя прошу
и палю, не целясь даже,
только речь произношу:
«Дорогой товарищ Лось!
Что-то есть в тебе олень...

Я тебе стреляю в кость —
с чувством воодушевления!
Сам придумал этот спич,
не держу в руке шпательку.
Говорят: природу жалко.
Но ведь я — Второй Ильич!

В орденах и звездах грудь:
как-никак глава народа.
Пусть послужит нам природа.
После нас — хоть лунный грунт!
«Дорогой товарищ Лось...»
и т. д.»
Пока есть икра и крабы,
надо кушать, поспешать.
Продолственной Программы
на том свете не решать.

Впереди — застой и спиды.
Миру мы не по плечу.
Сын мой, Юрий Леонидыч,
может ты толкнешь речу?
«Дорогой товарищ Лось...»
Что-то я стреляю вкось...
Поскорей врача, врача!
Бал окончен.
Ча-ча-ча!

Записал В. Руделев (1981—1988)

ТОВАРИЩА ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА

ИЗ ПОРТФЕЛЯ АКАДЕМИИ ЗАУМИ

ИГОРЬ КАЛИНОВСКИЙ

Эстетическая модель № 3

взгляд вглубь
топь бессмыслицы облегает
взбегает сторожка оторопь
сползает вниз застывая льда
монотностью иглой нежности
элегия белых просторов беспамятства
дарит медленный танец
в ящичке ночи полярной
профиль танцовщицы тронут
дымкой туманного прошлого

Эстетическая модель № 4

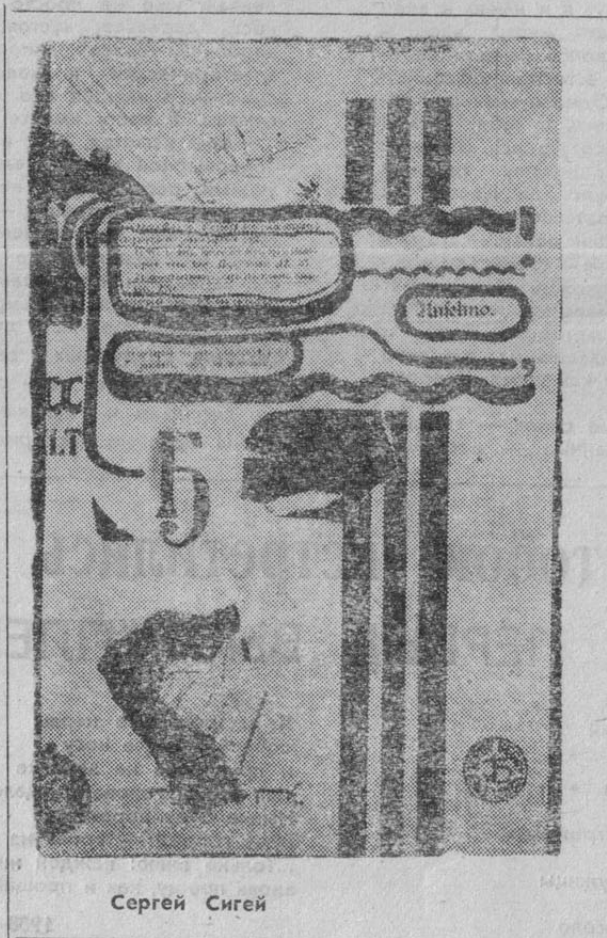
взгляд вдаль
лезвие блеска полет мгновения
из желоба стремительной пращи
и минимальный угол отраженья
о щит пост-сумеречных фресок
ищи невидимый апокриф — свет —
собрать все контуры в букет — искусство
огонь мерцающ неподвижен тускл
и в глубине в клубке солучий
калейдоскоп нечетных фузий* жгуч
прикосновению

* фузия — это слияние в коре головного
мозга двух изображений от обеих сетчаток
в единую стереоскопическую картину.

АЛЕКСАНДР ОЧЕРЕТЯНСКИЙ

Набросо(к)чек
носик остренький
ушки кнопочки
ротик бантиком
ножки спичечки
дева чо ноч ка
крохо ту леч ка
в глазах узеньких
в глазах хитреньких
в глазах целочках
пониманьеце

Сергей Сигей

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ МУЗА

В конце 1991 года в Тамбове на средства автора — поэта и литературоведа Сергея Бирюкова была напечатана миниатюрная книжечка «Муза зауми». Издание «за счет» автора не новость. Но этот тоненький сборник стихотворений для внимательного взгляда книголюбца — занимательная вещь. В нем еще одно свидетельство продолжения поиска в космосе поэтического слова.

Сергей Бирюков ведет его в двух ипостасях — как ученый филолог, знающий корни и истоки словотворчества, и как поэт, который на уровне интуиции и эмоционального порыва улавливает в словесную сеть самые глубинные вибрации. Эта сеть у Бирюкова своеобразна, нетрадиционна. Как ученый Сергей Бирюков оснащает книжку парусами цитат Велимира Хлебникова, Алексея Крученых, Виктора Шкловского, Юрия Лотмана и даже Апостола Павла, подтверждающих правомерность и правозерность «Зауми».

Бирюков находит скрытую образную силу «одиноким» строки, дает возможность прочувствовать переливчатость и хрупкую ломкость слова. Меняя ритмы и привычную архитектуру строф, бросается в пространства алогизмов, которые трансформируются в образы неуловимого.

Вместе с чутким и изобретательным художником Игорем Ульяновым, поэт использует изобразительность графики строк, ломая их линейность, применяет, подобно нюансам инструментовки, разные шрифты, отличные по начертанию, размеру и интенсивности черного цвета. Такой прием позволил выявить значения даже отдельных слов и букв, которые, подобно каплям, сливаются в потоке слов. Об этом, как об одном из устоев его поэтического кредо, в цикле «Капли № 1», зачин которого афористично отточен —

О слово:

КАмень

и

КАпля

Так из словесных камней и капель возникает пульсирующая поэтическая ткань.

Общий прорыв во вселенский космос и закрепощение от железобетонных догм позволили возобновить поиски новых пространств поэзии. По моему мнению и ощущению, Сергей Бирюков один из таких талантливых астронавтов безбрежного Слова. Лучше всего о подлинности поэтического дара говорят его лирические строки:

О Лебедь, поворотившая шею, очерченным
тонко глазом смотрящая, ЛЕБЕДЬ!

Ты.

Я тебя называю всегда про себя.

Ты внутри меня точно и ты влюблена и вошла
в меня точно душа в оболочку вошла и осталась
во мне и вместились вместе с шелком
груди и атласом бедра. Ты вернулась опять разворотом
тонко разрезанным взором поцелуем
в чакру.

А. РАСКИН,
искусствовед.

Санкт-Петербург.

ОБЛИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Событием в области исследования русского авангарда можно назвать публикацию книги известного американского литературоведа Джеральда Янчека «Облик русской литературы. Визуальные эксперименты авангарда. 1900—1930». Книга предоставляет читателю прекрасную возможность ознакомиться с отлично подобранным и систематизированным материалом по русскому авангарду. Автор дает краткий обзор русской литературы в целом, касается истоков визуальности, элементы которого мы можем наблюдать уже у Симеона Полоцкого (стихотворение, написанное в форме звезды, вторая половина XVII века). Здесь же мы находим интересную информацию о фигурных стихах, русском лубке.

Несмотря на то, что визуальные эксперименты в России начинаются уже в конце XIX века и продолжают после 30-го года, период расце-

та русского авангарда, по мнению Дж. Янчека, имеет совершенно четкие временные границы: 1902 г. (публикация первых авангардистских работ Андрея Белого) — 1930 г. (год смерти Владимира Маяковского).

Основная часть работы состоит из пяти глав, содержащих детальный анализ творчества отдельных писателей-авангардистов начала века.

В первой главе рассматривается творчество А. Белого. Дается подробное описание прозы, поэзии и теоретических работ писателя. В последующих главах мы знакомимся с визуальным творчеством А. Крученых, В. Каменского, И. Зданевича, В. Маяковского.

Работа профессора Янчека вполне может быть использована как прекрасное пособие по изучению русского авангарда. Остается только сожалеть, что книга все еще не переведена на рус-

ский язык и недоступна широкому кругу читателей.

А. ПОПОВА,
студентка 3-го курса филфака.

ОТ РЕДАКЦИИ: Недавно профессор университета штата Кентукки Джеральд Янчек побывал в гостях у студентов и преподавателей филфака. С интересом была встречена его лекция о визуальности в русской литературе. Он подарил кафедре русского языка свою книгу «Облик русской литературы. Визуальные эксперименты авангарда. 1900—1930». Желающие могут с ней познакомиться.

Составили альманах «Пигмалион»:
С. Бирюков и В. Руделев.
Художник А. Медведев.